Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 148–157
Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2025, no. 3, pp. 148–157

СТАТЬИ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ВСТРЕЧА С КНИГОЙ В «РАКОВОМ КОРПУСЕ» А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

В.Ш. Кривонос

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия; vkrivonos@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается роль встречи с книгой Л.Н. Толстого Ефрема Поддуева, одного из персонажей повести А.И. Солженицына «Раковый корпус», значимой для ситуации, в которой он оказался. Остро переживая ожидание скорой смерти, он воспринимает эту встречу как важнейшее событие его жизни, смысл которого раскрывается ему по мере понимания прочитанного и соотнесения его со своей жизненной историей. Книга, как выясняется в процессе знакомства с ней и углубления в ее содержание, таит в себе ответ на мучивший его вопрос о подготовке к смерти. Разгадку этого вопроса содержит рассказ «Чем люди живы», вызывающий глубокие изменения в его внутреннем мире. В рассказе тема преображающей человека встречи (героев с ангелом, который ослушался Бога и был отправлен на землю узнать важные «слова» о человеке) раскрывается, определяя его дидактический потенциал, как событие, которое может повториться с другими. Это фиксируется притчеобразным построением, с акцентом на универсальном содержании рассказываемого. У Поддуева встреча с книгой пробуждает желание не просто докопаться до своей человеческой сущности, так долго скрытой от него, но попытаться к ней вернуться. Все то, что он передумал и понял про свою прежнюю жизнь и про себя самого, позволяет ему обрести знание, в котором так нуждался.

Ключевые слова: Солженицын; Толстой; «Раковый корпус»; «Чем люди живы»

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-13

Для цитирования: *Кривонос В.Ш.* Встреча с книгой в «Раковом корпусе» А.И. Солженицына // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 148–157.

MEETING WITH THE BOOK IN "THE CANCER WARD" BY A.I. SOLZHENITSYN

Vladislav Krivonos

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia; vkrivonos@gmail.com

Abstract: The article examines the role of the meeting Efrem Podduev, one of the characters in Solzhenitsyn's *The Cancer Ward*, with the Leo Tolstoy's book sig-

© Кривонос В.Ш., 2025

nificant for the situation in which he found himself. Acutely experiencing the expectation of imminent death, he perceives this meeting as the most important event in his life, the meaning of which is revealed to him as he understands what he has read and relates it to his life story. The book, as it turns out in the process of getting to know it and delving into its content, contains the answer to the question that tormented him about preparing for death. The solution to this question is contained in the story "What People Live by", which causes profound changes in his inner world. In the story, the theme of a meeting that transforms a person (the heroes meet an angel who disobeyed God and was sent to earth to learn important "words" about man) is revealed, defining its didactic potential as an event that can happen with others. This is fixed by its parable-like construction, with an emphasis on the universal content of the story. For Podduev, the encounter with the book awakens the desire not only to get to the bottom of his human essence, hidden from him for so long, but to try to return to it. Everything that he thought through and understood about his previous life and about himself allows him to gain the knowledge that he needed.

Keywords: Solzhenitsyn; Tolstoy; *The Cancer Ward*; "What People Live by"

For citation: Krivonos V. (2025) Meeting with the Book in *The Cancer Ward* by A.I. Solzhenitsyn. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology,* no. 3, p. 148–157.

В «Раковом корпусе» описываются встречи, разные по той роли, которую они играют в судьбе персонажей, но непременно акцентируется, где произошла встреча, как она связана с фактами биографии того или иного персонажа и почему так значима для него в той ситуации, в какой он оказался. Обычно это встреча одного персонажа с другим, которая может привести по ходу сюжета и к болезненному столкновению, но и к человеческому сближению. В ситуации же, в какой находился Ефрем Поддуев, немолодой уже человек, который «неспокойно похаживал» [Солженицын 2012: 16][1] по палате и все «гудел своё, как припев, как по покойнику», что «сикиверное наше дело» (17), — это встреча с книгой, встреча, возможности которой, будучи здоровым, персонаж не предполагал, но теперь, в ожидании скорой смерти, побудившая его пересмотреть и заново осмыслить прошедшую жизнь, картины которой, когда он читал и думал о прочитанном, возникают в его памяти. Потому встреча и воспринимается им как событие, смысл которого раскрывается ему не сразу, но по мере углубления в содержание книги, понимания прочитанного и соотнесения его со своей жизненной историей (см. о функции и о символике встречи: [Бахтин 1975: 247–249]).

Речь идет о встрече с книгой народных рассказов Толстого, наугад извлеченной из шкафа Дёмкой, старавшимся больше читать,

[1] Ниже ссылки на это издание даются в тексте, страницы указываются в круглых скобках.

чтоб после школы поступить в университет, — встрече, которая могла бы показаться случайной, как это часто бывает в жизни, когда имеет место простое стечение обстоятельств, но оказывается в итоге сюжетно необходимой, будто не «пацаном», собравшимся «за девятый класс подогнать» (27), принесена была книга в палату, а специально послана самой судьбой.

Костоглотов, хлопнув «коркой прочтённой книги», именно так и объяснил ее появление: «— Если б не Дёмка эту книгу в шкафу выбирал, так поверить бы нельзя, что нам ее не подкинули» (18). Потому что попала она туда, где во встрече с ней больше всего нуждались. Вот Костоглотов и предлагает Поддуеву, досаждавшему всем своими мрачными предсказаниями («никому отсюда не вырваться» (90)), почитать ее, хотя тот поначалу и отнесся к непрошеному совету скептически: «— А зачем — читать? Зачем, как все подохнем скоро?». Но Костоглотов, не очень-то и уговаривая, разве только чтоб Ефрем перестал «скулить», нашел, что возразить: «— Вот потому и торопись, что скоро подохнем». И, опрокинув довод Поддуева, примирившегося как будто с собственной обреченностью, отметил точками какие-то «маленькие рассказишки» и все же настоял на своем, понимая, что если книга и не способна дать смертельно больному надежду на излечение, то, может, позволит справиться с чувством отчаяния, которое выплескивается на других, и обрести знание о вещах, беспокоящих перед близящимся уходом из жизни: «Вот эти несколько — попробуй» (19).

Грубое просторечное слово, проникшее в речь Поддуева, который «ничем никогда не болел» и, чувствуя в себе «силищу», полагал, что ему «ни предела, ни рубежа не поставлено», а потому не сразу поверил, «что у него» (88), должно было замаскировать ужас переживаемого состояния, которое невозможно было принять и к которому нельзя было адаптироваться. Осознав, «что у него — рак», он, не зная, как подготовиться к умиранию, вынужден был задуматься: «Как же это будет? И что надо делать?» (90). Но все, что связано было со смертью, было за пределом понимания и соседей по палате, и всех, с кем «было переговорено» в коридорах и на других этажах, особенно тех, кто склонен был, как и он до операции, когда уверял себя, что «не рак у него, и обойдётся» (88), к утешающему самообману и верил, ободряемый начатым лечением, что «теперь не умрёт» (318). Все, что связано со смертью, за пределом понимания даже врачей, лечивших, но о возможном исходе болезни и тем более о подготовке к неизбежному с ними не говоривших. Да если и кто из онкологов вдруг заболевал, то и в этом случае подтверждалось мнение многоопытного доктора Орещенкова, «…что современный человек бес-

помощен перед ликом смерти, что ничем он не вооружен встретить ее» (375).

Везде, «где ни бывал», видел Поддуев «вполне понятную жизнь», когда вслед за знакомством «сразу идет: кем работаешь, сколько получаешь», чем интерес и ограничивается, но понятную до той поры, «пока не заболевали люди раком или другим смертельным» (90). Вот «старые в их местности на Каме», на которых смолоду смотрел он свысока, «не хвастали, что не умрут», а «готовились потихоньку и загодя» и «принимали смерть спокойно», будто «просто перебирались в другую избу» (91). Ему же, как выяснилось, когда сам заболел, «переход» был «свыше сил», и он «не знал путей этого перехода» (89). И как ни пытался, «день за днем» вышагивая «по старому полу», придумать что-то, «…ничуть ему не становилось ясней, чем же надо встречать смерть. И уж меньше всего ожидал бы он найти это в какой-нибудь книге» (91). Если и читал он что-либо, то не книги, а «брошюры» и «служебные инструкции», да и те «по нужде», поскольку «собственной тяги читать у него не было», когда же «в дальней дороге» ему «попадалась какая», то, приступив было к чтению, «всегда бросал, ничего не найдя в ней по умному направлению жизни» (91). Между тем книга, которую «всучил» ему Костоглотов «в самый пустой тошный вечер» (92), а он, поддавшись на уговоры, «перешвырнул к себе на койку» (91), как раз и таила в себе ответ на мучивший его вопрос — и уже не *об умном направлении жизни*, а о *путях перехода* к смерти.

Просмотрев книгу и убедившись, «что это были рассказики маленькие», прочел сначала, «какой поменьше»; подумав, еще раз перечитав и опять подумав, так же поступил «со вторым». И на другой день, забыв о своих «мрачных речах», которыми начиналось «каждое утро» в палате, вновь «почитывал да подумывал» и, не вылезая «топтать дорожку между кроватями», все «читал себе и молчал», а книга, «не похожая ни на кого», с ним «разговаривала» (92). Так добрался он до рассказа «Чем люди живы». Название это, сразу им отмеченное, «было вылеплено, будто сам же Ефрем его и составил», поскольку «об этом самом он ведь и думал последние недели: чем люди живы?». Все в этом рассказе было ему понятно, прежде всего нелегкая жизнь Семена, сапожника, бедствующего с семьей и двумя детьми, «и дальше очень понятно», почему Семен «поджарый», Михайла, его подмастерье, «худощавый», а богатый барин, заказавший сапоги, «весь как из чугуна вылит»; повидал он таких «довольно» и сам начинал «на такого вытягивать». Когда же медленно «прочел весь рассказ до конца», то не хотелось ему «ни ходить, ни говорить», как будто «что в него вошло и повернуло там» (93).

Такого рода «изменения во внутреннем мире», имеющие в каждом случае «свои особенности» [Скафтымов 1972: 154], происходят и с героями Толстого, который всюду «ищет обнажения души», так как открывается в человеке «только то, что в нем уже было, хотя и не получало полного осознания», и «обставляет наиболее серьезными катастрофическими обстоятельствами» обнаружение того, что он «считает в человеке коренным и основным» [Скафтымов 1972: 155]. В истории Поддуева *катастрофическими обстоятельствами* стала смертельная болезнь, которую он долго не хотел признавать, привыкнув «врать себе всю жизнь» [Колобаева 2012: 156]. Бегство от болезни, как оказалось, было бегством от самого себя. Любил он, пока не заболел, только «вольную жизнь да деньги в кармане», но не находил теперь в ней «прежнего вкуса» (89). Да и «больше не мог себе врать и не врал» (90). Первую, «грубую, стружку» с него «сняла больница» (93), но понадобилась еще и встреча с книгой, чтобы обнажилась его душа и обнаружилось в нем *коренное и основное*.

Как и в истории Поддуева, в рассказе «Чем люди живы» особая роль, позволившая открыть в человеке «дно души», когда в «решительный момент» его жизни он становится «самим собой» [Скафтымов 1972: 156], принадлежит встрече. Семен, увидев застывшего от холода странника, сидевшего «раздемши» у часовни, которого он одел и привел домой, посчитав, что нанес «на него Бог, а то бы пропасть», укоряет жену, недовольную его поступком: «Утиши ты свое сердце. Грех, Матрена. Помирать будем». Странник же Матрене, которая его «накормила, напоила, пожалела», и мужу ее предрекает: «Спасет вас Господь!» Далее рассказано о барине, привезшем Семену дорогую кожу и пригрозившем засадить его в острог, если не справится с заказом, но умершем в тот же день, и о женщине, выкормившей и воспитавшей двух сироток, чья история была связана с историей самого странника. Оказался он ангелом, посланным на землю в наказание, что ослушался Бога, и прощенным, когда открыл для себя «слова», какие ему велено было открыть, что «есть в людях любовь», что «не дано людям знать, что для своего тела нужно», что «жив всякий человек не заботой о себе, а любовью».

Тема встречи раскрывается в рассказе Толстого, определяя его дидактический потенциал, как событие, которое может повториться с другими. В нем, как и в «евангельском рассказе», служащем архетипическим образцом для такого рода повествования, представлен «как бы *тип* встречи», имеющей «абсолютное, всеобъемлющее значение» [Антоний, митрополит Сурожский 1992: 184]. Это фиксируется притчеобразным построением (когда сюжетная логика не проверяется требующей плоского правдоподобия логикой обыденного сознания), с акцентом на универсальном содержании

рассказываемого. В нем, как и в повести «Хозяин и работник», герой которой спасает замерзающего слугу «именно потому, что хочет спасти себя», раскрывается «прямой и категорический смысл» заповеди «любви к ближнему, с ее уточнением “как самого себя”» [Седакова 2022: 202].

Книга, «такая серьезная», какая раньше «ему не попадалась» (92), не просто побудила Ефрема задуматься, но сильно задела за живое; пересматривая свое прошлое, он связал содержание рассказа с жизнью, какую вел, «перелётной, свободной» (94), в том числе и от обязательств перед ближними и даже самыми близкими. Вспоминая об отношениях с женами и с другими «бабами», которым счет потерял, так «легко» их добывал и «покидал» потом «всегда первый», и удивился бы, если б кто ему стал «серьезно доказывать», что «плохо» с ними поступает, вдруг открыл для себя, что именно так и получалось «по этой чудно́й книге»: он же «во всём и виноват» (94). Смятение, охватившее Поддуева, осознавшего под воздействием прочитанного, как сильно отличалось его собственное поведение от поведения героев рассказа, пробуждает у него желание понять для себя самого, «как же ответить правильно» (96) на вопрос, звучащий в названии рассказа. И потому решил выяснить, что думают об этом соседи по палате: «— Вот, — объявил и он громко. — Тут рассказ есть. Называется: “Чем люди живы”. — И усмехнулся. — Такой вопрос, кто ответит? — чем люди живы?» (95).

Первые и быстрые, без обдумывания, ответы (*довольствием, продуктовым и вещевым, зарплатой*) напрашивались сами собой и были слишком простыми, чтобы удовлетворить Ефрема, продолжившего теребить тех, кто еще не высказался, хотя и без особого успеха: «Загадка книги, неожиданная для него, была-таки и для всех нелегкая» (95). Наконец, Дёмка, который книгу эту «в палату принес», но «не прочел» ее и «не знал ответа, ожидаемого Ефремом», откликнулся, что человек жив «воздухом», «водой» и «едой»; Ефрем бы и сам бы так «ответил прежде», добавив бы еще, что «спиртом», однако «книга совсем не в ту сторону тянула». Услышав от другого соседа, что «квалификацией», Ефрем согласился про себя, что и это «верно», он и сам «всю жизнь так думал» (95). Не отклонил он, хотя и удивился, «не всё ль равно», где жить, и ответ, что «родными местами», потому что там «всё легче» (96). Оставался еще Русанов, занимавший ответственный пост и державшийся особняком, но на обращенный лично к нему вопрос «не затруднился» с ответом, политически выверенным и идеологически правильным, сомнений не предполагавшим: «Запомните. Люди живут: идейностью и общественным благом» (96).

Поскольку соседи рассказ не читали, то ответы зависели от особенностей их биографии, от имеющегося у них жизненного опыта

или от усвоенных ими идеологических установок (ср.: [Масолова 2018: 203]). Только один из них поинтересовался, «про что книга», и Поддуев «стал перелагать» ему рассказ «своими словами». И особенно подробно изложил эпизод, как барин привез сапожнику «дорогую кожу» и заказал себе сапоги, только Михайла сшил вместо них что-то «вроде тапочек» на мертвого, будто предвидел, что заказчик «не будет жив до вечера», а тот и в самом деле «еще в дороге окочурился» (96–97). Речь Ефрема внезапно прервал Русанов, назвавший рассказ «чушью» и спросивший, «чем же там — люди живы»; узнав от растерявшегося было Ефрема («Даже и вслух это не выговаривалось. Неприлично вроде»), что, мол, любовью, тут же, потешаясь, возразил: «Лю-бо-вью!?.. Не-ет, это не наша мораль!» (97). И, спросив фамилию автора, не имевшую, как полагал Поддуев, «отношения к сути — к их болезням» и потому им пропущенную при чтении, резко «запротестовал», что «трижды лауреат Сталинской премии» не мог такое написать; услышав же, что это «не тот Толстой», напомнил всем, что «другой» Толстой, который «зеркало русской революции, рисовые котлетки», он «во многом, оч-чень во многом не разбирался». И пояснил, что «злу надо противиться» и «со злом надо бороться» (97–98).

В языке, внедрявшем в сознание идеологические догмы, на котором привык выражать свои взгляды Русанов, обязательной была «идея борьбы» [Купина 2015: 23], прежде всего борьбы с *врагами*, в которых и видели главное *зло*, а вовсе не идея любви; тот Толстой, получалось, действительно *во многом не разбирался*, будучи уличенным в том, что, занимаясь «нравственным усовершествованием» и питаясь «рисовыми котлетками», проповедовал «непротивление злу насилием» [Ленин 1968: 209]. В случае же самого Русанова актуальным был не вопрос, чем люди живы, а вопрос, чем люди мертвы, не акцентируемый названием, но тоже звучавший в толстовском рассказе. Когда Семен прошел мимо странника, замерзавшего у часовни, то «в лице его была смерть», а когда вернулся за ним, чтоб «повести к себе в дом», то «вдруг стал живой», и «лице его» ангел «узнал Бога». Такая же метаморфоза произошла и с Матреной, хотевшей выгнать странника из дома: «мертвый дух шел у нее изо рта», и ангел знал, что если выгонит его, то «умрет она». Но когда «вдруг переменилась», то «в ней не было уже смерти, она была живая», и ангел «в ней узнал Бога». И открылось ему, «что есть в людях любовь».

Русанов, в отличие от Семена и Матрены, движется не *вверх*, к живому Богу, а *вниз*, в сторону смерти; его человеческое падение символически высвечивает сон, в котором он попадает на тот свет, где его ожидают встречи с умершими, в чьих страданиях и гибели была его прямая вина, как бы ни оправдывал он себя ссылками «на

такой порядок» (186). Причем встречи эти, напоминая ему, что и он смертен, не смогли подтолкнуть его к переосмыслению и переоценке своих поступков, почему возвращается он с того света хоть и живым физически, но мертвым духовно, не желая поверить в неизбежность для него и скорой физической смерти.

Вопрос, чем люди мертвы, актуален и для истории Поддуева, не случайно главное внимание уделившего в своем пересказе эпизоду с барином; на эпизоде этом пересказ, что тоже не случайно, и обрывается. Мертвый дух шел, несомненно, и от барина, пригрозившего *засадить* сапожника в острог, если «распорются, скривятся сапоги раньше году». Потому ангел «вдруг за плечами его увидал товарища своего, смертного ангела», и узнал, «что не зайдет еще солнце, как возьмется душа богача». Барин, пренебрегший человеческим достоинством сапожника, в котором не признал равного *самому себе* человека, жил лишь заботой о своем теле, но, как выяснилось, не знал и даже не догадывался, что ему на самом деле нужно было для его тела. Это неведомо и Поддуеву, названному исследователем «бариновым двойником» [Немзер 2019: 235]. Двойником в смысле отношения к людям. Дана ему была «сила на баб», которых «охобачивал» бессчетно, но никогда их «за полных людей не считал» (94). А когда заболел, то «оттягивал, не шел к врачам» (88) и безнадежно опоздал с операцией, единственно нужной ему *для своего тела*. И стал утверждать «со злорадством», раз ничего нельзя было уже изменить, что «пора Ефрему подыхать» (97). И хоть и оставалась «при нем» та самая *сила*, но «как бы уже — ни к чему» (94).

А книга, прочитанная им и обдуманная, *войдя в него* и *повернув там*, все напоминала о себе. Вынырнул у него из памяти, казалось бы, «без всякого повода, один давний ничтожный и совсем забытый случай» (177), как трое заключенных, когда он работал после войны в лагерях, плохо одетых, без рукавиц, копавших траншею под газопровод, просили простить им «последние сантиметры», которые было «не взять», так как «сил нет», а он, глядя сверху, «как падал снег на их лица как неживые», отказал, потому что есть «проект», и услышал: «Ничего. И ты будешь умирать, десятник!» И чем ему было «от этого загородиться» на пороге смерти? «Что он понял новое что-то и хотел бы иначе жить? Болезнь этого не слушает, у болезни свой *проект*» (178). Не осознал он тогда, как осознала Матрена, что *помирать будем*. И не спас его Господь.

Многое в его жизни перекликалось с прочитанным, осмыслить которое он стремился, но строки «этой книги» ему «только тогда открывались», чтоб мог он «их понимать», когда «надо было ему вспомнить», что «самому ему остались считанные дни разобраться в себе самом» (106). Выслушав рассказ Костоглотова про самопро-

извольное исцеление, когда «опухоль трогается в обратном направлении» и «рассасывается», Поддуев, «что-то свое» имея в виду, прохрипел: «— Для этого надо, наверно… чистую совесть» (121). И объяснил, почему не верит, что смог бы исцелиться: «— Я — баб много разорил. С детьми бросал… Плакали… У меня не рассосется» (122). Открыла ему книга, «очень правильная», терпеливо подводя к раскаянию, пусть и запоздалому, когда «спасенья как будто и не оставалось», что живы люди любовью, а он, не любя никого, жил только заботой о себе; другой была бы жизнь, «если б все сразу стали по ней жить...» (179).

Так сложилось, что, прочитав рассказ Толстого, Поддуев впервые для себя «…задумался о смысле жизни, находясь на грани ее со смертью» (123). Встреча с книгой пробудила у него желание не просто докопаться до своей человеческой сущности, так долго скрытой от него, но попытаться к ней вернуться. Потому Костоглотов, не зная его прошлого, но сочувствуя ему и ценя его «прямоту», полагает, что из встречавшихся ему в жизни «это был далеко не самый плохой человек» (181). Все то, что Ефрем передумал и понял про свою прежнюю жизнь и про себя самого, позволило ему все же обрести знание, в котором он так нуждался; перед смертью приоткрылись ему и пути перехода к ней, и смысл человеческой жизни, который высветил для него эти пути.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Антоний, митрополит Сурожский.* О встрече // Новый мир. 1992. № 2. С. 184–191.
2. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 234–407.
3. *Колобаева Л.А.* «Река, впадающая в пески?» Художественные прогнозы Александра Солженицына («Раковый корпус») // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. Вып. 1. М., 2012. С. 147–166.
4. *Купина Н.А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2015.
5. *Ленин В.И.* Лев Толстой, как зеркало русской революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. М., 1968. С. 206–213.
6. *Масолова Е.А.* Толстовский текст и интертекст в повести А.И. Солженицына «Раковый корпус» // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. №. 4. С. 196–217.
7. *Немзер А.С.* Проза Александра Солженицына: Опыт прочтения. М., 2019.
8. *Седакова О.* Слово о Льве Толстом // Седакова О. И жизни новизна. Об искусстве, вере и обществе. М., 2022. С. 201–204.
9. *Скафтымов А.П.* Идеи и формы в творчестве Л. Толстого // Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 134–164.
10. *Солженицын А.И.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 3. Раковый корпус. М., 2012.

REFERENCES

1. Antonij, mitropolit Surozhskij. *O vstreche* [About the Meeting]. *Novyj mir.* 1992. № 2, p. 184–191. (In Russ.)
2. Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoj poetike* [Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics]. Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let. Moscow: *Khudozhestvennaya literatura,* 1975, p. 234–407. (In Russ.)
3. Kolobaeva L.A. *"Reka, vpadayushchaya v peski?" Khudozhestvennye prognozy Aleksandra Solzhenitsyna ("Rakovyj korpus")* ["A River Flowing into the Sands?" Artistic Forecasts of Alexander Solzhenitsyn ("Cancer Ward")]. Solzhenitsynskie tetradi: Materialy i issledovaniya. Issue 1. Moscow: *Russkij put' Publ.*, 2012, p. 147–166. (In Russ.)
4. Kupina N.A. *Totalitarnyj yazyk: Slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian Language: Dictionary and Speech Reactions]. 2th ed. Ekaterinburg: *State Ural University Publ.,* 2015. (In Russ.)
5. Lenin V.I. *Lev Tolstoj, kak zerkalo russkoj revolyutsii* [Leo Tolstoy, as a mirror of Russian revolution]. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij [Collected Works]. 5th ed. Vol. 17. Moscow: *Politizdat,* 1968, p. 206–213. (In Russ.)
6. Masolova E.A. *Tolstovskij tekst i intertekst v povesti A.I. Solzhenitsyna «Rakovyj korpus»* [Tolstoy's text and intertext in the story of A.I. Solzhenitsyn "Cancer Ward"]. *Problemy istoricheskoj poetiki.* 2018. Vol. 16. №. 4, p. 196–217.
7. Nemzer A.S. *Proza Aleksandra Solzhenitsyna: Opyt prochteniya* [Prose of Alexander Solzhenitsyn: An experience of reading]. Moscow: *Vremya,* 2019. (In Russ.)
8. Sedakova O. *Slovo o L've Tolstom* [Word about Leo Tolstoy]. Sedakova O. I zhizni novizna. Ob iskusstve, vere i obshchestve. Moscow*: Nikeya Publ.,* 2022, p. 201–204. (In Russ.)
9. Skaftymov A.P. *Idei i formy v tvorchestve L. Tolstogo* [Ideas and Forms in Works of L. Tolstoy]. Skaftymov A.P. Nravstvennye iskaniya russkih pisatelej. Moscow: *Khudozhestvennaya literatura,* 1972, p. 134–164. (In Russ.)
10. Solzhenitsyn A.I. *Sobranie sochinenij v 30 t. T. 3. Rakovyj korpus* [Collected Works: in 30 volumes. Vol. 3. Cancer Ward]. Moscow: *Vremya,* 2012. (In Russ.)

Поступила в редакцию 01.10.2024
Принята к публикации 22.04.2025
Отредактирована 05.05.2025

Received 01.10.2024
Accepted 22.04.2025
Revised 05.05.2025

ОБ АВТОРЕ

Кривонос Владислав Шаевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы, журналистики и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета; vkrivonos@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Vladislav Krivonos — Prof. Dr., Department of Literature, Journalism and Teaching Methods, Faculty of Philology, Samara State University of Social Sciences and Education; vkrivonos@gmail.com